

**Рец. на кн.: Е.Д. БОНДАРЕНКО. НАИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ДИАЛЕКТНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ.**

М.: Индрик, 2021. 584 с.

Влада Вячеславовна Баранова

Институт лингвистических исследований РАН

9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия

vbaranova@hse.ru

Аннотация: Книга построена на материале метаязыковых высказываний носителей разных диалектов об их собственном идиоме и языке соседей. Новизна книги состоит в том, что в российской диалектологии, как правило, не рассматривались народные представления о языке. Таким образом, книга представляет собой первое систематическое описание народной лингвистики и вводит в оборот новые материалы, которые могут много дать для понимания повседневных представлений о языке и процессах конструирования локальной идентичности.

Ключевые слова: народная лингвистика, наивная лингвистика, диалектология, любительские словари.

Для ссылок: Баранова В. Рец. на кн.: Е.Д. Бондаренко. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021. 584 с. // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 250–256.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-250-256

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/baranova.pdf>

**A Review of E. D. BONDARENKO, *NAIVNAYA LINGVISTIKA
I DIALEKTNOE YAZYKOVOE SOZNIANIE* [“NAIVE LINGUISTICS”
AND DIALECT CONSCIOUSNESS].**

Moscow: Indrik, 2021, 584 pp.

Vlada V. Baranova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia

vbaranova@hse.ru

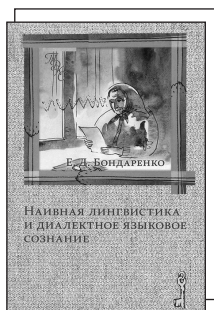
Abstract: The book is based on an analysis of metalinguistic comments by native speakers of different dialects. These remarks concern both self-descriptions and the language of neighbors. The approach is relatively new for Russian dialectology: folk linguists' perceptions of dialectal variation have not been considered before. The study provides the first systematic description of beliefs about Russian dialects and includes a large volume of new field data. It can provide important insights on speaker opinions and attitudes about language and the constructions of local identity.

Keywords: folk linguistics, naive linguistics, dialectology, nonprofessional dictionaries.

To cite: Baranova V., 'A Review of E. D. Bondarenko, *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoe soznanie* [“Naive Linguistics” and Dialect Consciousness]. Moscow: Indrik, 2021, 584 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 52, pp. 250–256.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-250-256

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/baranova.pdf>

Рец. на кн.: **Е.Д. Бондаренко. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание.** М.: Индрик, 2021. 584 с.

Книга построена на материале метаязыковых высказываний носителей разных диалектов об их собственном идиоме и языке соседей. Новизна книги состоит в том, что в российской диалектологии, как правило, не рассматривались народные представления о языке. Таким образом, книга представляет собой первое систематическое описание народной лингвистики и вводит в оборот новые материалы, которые могут много дать для понимания повседневных представлений о языке и процессах конструирования локальной идентичности.

Ключевые слова: народная лингвистика, наивная лингвистика, диалектология, любительские словари.

Рецензируемая книга Елены Дмитриевны Бондаренко и соавторов отдельных разделов (Е.В. Потаповой, О.Д. Суриковой и Е.Л. Березович) посвящена представлениям о диалектах среди самих носителей. Монография написана в рамках подхода, предполагающего, что внутренняя категоризация (или эмное описание языка) может много дать профессиональной лингвистике как для понимания границ изоглосс, так и в качестве отдельного объекта исследования — ср. о *народной лингвистике* [Головко 2014], *folk linguistics* [Niedzielski, Preston 2000] или *perceptual dialectology* [Preston 1999]. Это внимание к объекту, обычно оказывавшемуся вне поля зрения профессиональных лингвистов и даже воспринимавшемуся несколько иронически, разделяет рецензируемая работа. Бережное и систематическое воссоздание представлений о локальном идиоме и соседних вариантах из нередко отрывочных и внутренне противоречивых метаязыковых комментариев носителей, а также сравнение этих представлений из разных регионов между собой позволяют реконструировать обыденные представления о языке *per se*. Что становится предметом метаязыковой рефлексии носителей в отношении собственного диалекта, как относятся к литературному варианту языка и локальным идиомам, на что обращают внимание в речи ближайших

Влада Вячеславовна Баранова
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
vbaranova@hse.ru

соседей, как словесное или произносительное отличие разворачивается в самоидентифицирующий нарратив или становится основой фольклорного текста — эти и другие увлекательные вопросы разворачиваются на страницах рецензируемой книги.

Монография основана на результатах многолетней полевой работы Топонимической экспедиции УрФУ, а также на данных из опубликованных словарей разных регионов России и Польши, в которых отражены представления о том, как говорят жители определенной местности и их соседи. Еще одним важным источником данных служат любительские словари, составленные разными авторами, как опубликованные, так и рукописные. Высказывания о языке и составленные носителями словари диалектных слов не были основной задачей диалектологических экспедиций, однако разговоры лингвистов с местными жителями очень часто затрагивали метаязыковые вопросы. В 2008–2018 гг. диалектологи УрФУ, в том числе и авторы рецензируемой книги, специально собирали материалы по «наивной лингвистике», в частности представления о том, как говорили раньше, как говорят соседи, какие есть необычные слова в этой местности и т.д. (С. 18–19).

Небольшой первый раздел «Общие вопросы изучения наивной метаязыковой рефлексии» (С. 23–50) несколько разочаровывает относительно остальных частей книги, поскольку представляет собой лишь слегка переделанную вводную часть диссертации, традиционно построенную как история изучения или перечисление новых имен и работ. Текст является вполне добротным обзором и отражает практически все известные русскоязычные статьи, однако для монографии желателен как чуть более амбициозный подход к теоретической части, так и перенос в сноски ритуальных упоминаний работ предшественников, которые не важны непосредственно для исследования.

Раздел II «Язык в зеркале наивной лингвистики: функциональный аспект» классифицирует номинации по лингвистическому принципу и рассматривает основные оппозиции, возникающие в метаязыковых комментариях: понятность / непонятность (*баляба* — тот, кто говорит непонятно, *балаболит*, с. 55), городской / деревенский, нормативный / ненормативный, письменный / устный, свой / чужой и др., а также некоторые метафоры для описания чужой речи (например, названия птиц для обозначения тех, кто говорит непонятно: *гагары*, с. 84). Особенно интересными выглядят материалы из контактных зон, связанные с переключением кодов или названием другой группы по какой-то языковой черте, произносительной или лексической (например, *лабасы* от лит. *labas* ‘здравствуйте’, с. 115).

В разделе III «Локально-территориальный “срез” проблематики наивной лингвистики: Вятка и Поонежье» рассматриваются взаимные отношения носителей разных диалектов на примере Вятских и Онежских говоров. Выбор кейсов связан с особенностью данных ареалов: в этих контактных зонах сложились осознаваемые носителями сообщества с четкими самоназваниями. Важно отметить, что, несмотря на видимую монолитность стандартного русского языка, разговорная речь существует в виде множества региональных вариантов. Современные исследования все чаще обращают внимание как на собственно лингвистические особенности разных региональных вариантов русского языка, возникающих в контактных зонах или изолированных регионах, так и на социолингвистический контекст.

Именно в этой главе появляется ощущение, что прекрасный словарный материал, который так хорошо подходил для анализа в предыдущей части, не вполне отвечает задачам описания конструирования идентичности и проведения межгрупповых границ. Например, возникает вопрос о том, почему подобные сообщества с самоназванием и осознаваемыми языковыми границами где-то появляются, а где-то нет? Само по себе наличие не русскоязычных групп поблизости (носителей удмуртского для вятских диалектов и норвежского, точнее контактного варианта, руссенорска для северных говоров) не кажется объяснением, поскольку языковые контакты возникали во многих регионах, а для некоторых четких групп характер контакта не очень прямой, например для скобарей с эстонским или сету. Почему какие-то группы осмыслиют свои особенности как нерусские или дополнительные к русскоязычной идентичности варианты (ср., например, *поморы* и *кацкари* [Баранова 2014]), а другие — нет? Кажется, что имеющиеся материалы и авторская оптика — в категориях сознания, а не практики — не позволяет раскрыть, зачем людям надо это интерпретировать таким образом. Что им дает такое проведение границ и как они меняют номинации и принципы разделения в конкретном контексте?

Раздел IV «Особенности наивной категоризации языковых явлений: категория имени собственного» посвящен имянаречению и отношению к именам собственным. Рассматривается достаточно широкий круг явлений, наиболее тесно связанных с традиционными представлениями об имени и несколько дальше отстоящих от собственно лингвистических вопросов. Как и в других разделах, текст легко читается, особенно про клички домашних животных, ср., например, пояснение к «обычной» номинации: «Моя коза по прозвищу Римма, да здесь у всех коз одинаковые прозвища» Именно здесь, при упоминании раздела о власти называния, хочется отметить особенности авторской номинации описываемых феноменов. В книге

используются термины «наивная лингвистика» и «наивное языковое сознание», которые, несмотря на существующую традицию такой терминологии, кажутся не очень удачными и подходящими для задач исследования. Для читателя они задают слишком отчетливую иерархию позиций носителей и ученых, несколько свысока рассматривающих наивные попытки осмыслить языковые черты без специальных компетенций. Современные принципы соучаствующего исследования предполагают, что взгляд носителей не лучше и не хуже подходов лингвистов, так как каждый из них фокусируется на разных аспектах и вместе они могут дать больше, чем по отдельности: профессиональное образование, в том числе знание других идиомов, дополняет языковую интуицию носителей языка. Об этом свидетельствует и материал рецензируемой книги, в которой представлены истории плодотворного сотрудничества, например рассказывается о работе с Лирой Николаевной Ухаревой, задававшей диалектологам встречные вопросы в форме викторины и затем составившей свой словарь (С. 326–328). Обращая внимание на взгляды самих говорящих на язык, книга следует современным представлениям об активной роли носителей языка и соучаствующем исследовании, но принятая терминология репрезентирует иные установки.

Раздел V «Любительские словари как способ организации мета-языковой деятельности диалектоносителей» посвящен анализу лексикографии в народной лингвистике. Всего рассматривается 29 словарей, разнородных как по цели создания, так и по составу. Как большую удачу следует отметить то, что рецензируемая книга вводит эти данные в научный оборот: «Приложение» со словарями составляет более ста страниц. Е.Д. Бондаренко не первая обратилась к этим материалам, отдельные черты упоминались прежде в частных публикациях по результатам полевой работы диалектологов и фольклористов, однако рецензируемая книга впервые предлагает последовательное описание подобных словарей, высвечивающее их типологические черты. Взгляд на народную лексикографию не как на чудачество отдельных деревенских краеведов или учителей, а как на новый и важный механизм осмысления прошлого, настоящего и будущего местного языка и культуры — несомненная заслуга монографии.

Итак, рецензируемая монография является прежде всего одним из первых системных описаний народной лингвистики. Что еще важнее, она вносит вклад в дискуссию о современных формах существования традиции. Ее особенности можно обозначить набором парадоксов: устное в письменном, локальное через глобальные социальные сети, личный опыт как инструкция для воспроизводства коллективной традиции и некоторые другие.

Словари диалектных слов, рукописные песенники, набранные на компьютере рассказы старожилов и другие репрезентации бесписьменной культуры существуют в записанном виде, публикуются в местной газете или в группе в социальной сети о жизни села. Словарная или музейная репрезентация становится одной из основных, если не единственной формой существования диалекта. Информация предстает в новых формах, например в форме викторины, похожей на популярные телевизионные шоу. Поиск истории семьи или локального прошлого через дискуссии на форумах и в социальных сетях между теми, кто нередко рассеян по всему свету, становится все более типичной практикой. Эти личные истории в самом широком понимании — записанные слова и выражения, описания обрядов или рецептов, манера повязывать платок или вышивка — ложатся в основу воссоздания мира или изобретения традиции. Рецепт «нашего традиционного пирога» из газетной заметки входит в жизнь человека так же естественно, как советы односельчан. Хотя авторы не обсуждают эти общие тенденции, представленный материал и внимательный взгляд исследователей подводят к этому важному разговору.

Еще одна важная черта подобных форм существования традиции — проницаемость мира профессиональных диалектологов и носителей диалектов. Последние активно участвуют в осмыслении собственной культуры и языка, читают то, что пишут о них исследователи, и создают свои описания по модели научного подхода. Нельзя сказать, что эмный взгляд на российские регионы — принципиально новое явление: внештатные корреспонденты Этнографического бюро В.Н. Тенишева или местные краеведы в 1920-х гг. шли по тому же пути. Важно отметить, что в современной деревне достаточно много грамотных и интересующихся своим прошлым или локальными особенностями речи, а способы фиксации и распространения информации стали доступнее. Изменились и способы взаимодействия респондентов и лингвистов: их коммуникация не только происходит в момент, когда последние приезжают в поле, т.е. лишь по инициативе исследователей, но и продолжается после отъезда (например, носитель идиома пишет исследователям по электронной почте и присылает уточненные определения или собственные словарные материалы).

В заключение хотелось бы отметить момент, не имеющий прямого отношения к содержанию книги, но, на мой взгляд, важный: немного странным выглядит принцип представления автора книги. На обложке обозначена только Е.Д. Бондаренко и только одна фамилия указана в библиографическом описании книги, однако пять подразделов монографии написаны в соавторстве с Е.Л. Березович, или Е.В. Потаповой, или О.Д. Сури-

ковой. Вероятно, общий объем этих подглавок в составе книги в целом относительно невелик, легко реконструировать и генезис такой ситуации (книга написана по материалам многолетней работы, в том числе сюда вошли и переработанные статьи, написанные в соавторстве), однако такой формат выглядит все же некоторым нарушением профессиональных конвенций. Если тексты Е.Л. Березович, Е.В. Потаповой, О.Д. Суриковой использованы напрямую, то логичным кажется вынесение на обложку всех авторов с указанием первой фамилии ведущего автора и каким-то иным выделением наибольшего вклада Е.Д. Бондаренко в работу над публикацией. Если по результатам совместных статей и исследований созданы новые, переработанные тексты, включенные в общую структуру книги, то странно указывать прошлых соавторов, достаточно лишь упомянуть о них во введении и сделать ссылки на совместные публикации в соответствующих подразделах. Выбранная форма, при которой соавторы то ли есть, то ли нет, кажется неудачной при обеих интерпретациях и оставляет читателя в недоумении.

Книга будет полезна как диалектологам, антропологам, фольклористам, так и всем, кто любит многообразие локальных культур и языков. Текст легко читается и полон замечательных примеров (отдельные слова хочется сохранить или ввести в домашний язык, например *разбрылять* 'расшвыривать, устроить беспорядок', с. 308). Эти данные обогатят наши представления о локальных особенностях русского языка и отношении к ним носителей и покажут читателям многообразие во многом уже ушедшего мира русских диалектов.

Библиография

- Баранова В.В. Составление словаря и рождение нового языка // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 27–36.
- Головки Е.В. «Народная лингвистика» как объект исследования // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 9–16.
- Niedzielski N.A., Preston D.R. Folk Linguistics. B.: Mouton de Gruyter, 2000. 375 p.
- Preston D.R. (ed.). Handbook of Perceptual Dialectology. Amsterdam: John Benjamins, 1999. Vol. 1. 413 p.

Влада Баранова

A Review of E. D. Bondarenko, *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoe soznanie* [“Naive Linguistics” and Dialect Consciousness]. Moscow: Indrik, 2021, 584 pp.

Vlada V. Baranova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
vbaranova@hse.ru

The book is based on an analysis of metalinguistic comments by native speakers of different dialects. These remarks concern both self-descriptions and the language of neighbors. The approach is relatively new for Russian dialectology: folk linguists' perceptions of dialectal variation have not been considered before. The study provides the first systematic description of beliefs about Russian dialects and includes a large volume of new field data. It can provide important insights on speaker opinions and attitudes about language and the constructions of local identity.

Keywords: folk linguistics, naïve linguistics, dialectology, non-professional dictionaries.

References

- Baranova V. V., ‘Sostavlenie slovarya i rozhdienie novogo yazyka’ [Compiling a Dictionary and the Emergence of a New Language], *Antropologicheskij forum*, 2014, no. 21, pp. 27–36. (In Russian).
- Golovko E. V., “Narodnaya lingvistika” kak obekt issledovaniya’ [Folk Linguistics as an Object of Research], *Antropologicheskij forum*, 2014, no. 21, pp. 9–16.
- Niedzielski N. A., Preston D. R., *Folk Linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000, 375 pp.
- Preston D. R. (ed.), *Handbook of Perceptual Dialectology*. Amsterdam: John Benjamins, 1999, vol. 1, 413 pp.